

матривается непосредственно, а может быть установлено лишь опосредованно, т.е. с помощью определенного критерия. В качестве такого критерия, т.е. критерия intersубъективно-онтологического существования метафизических сущностей второго рода, в докладе рассматривается следующее условие: метафизическая сущность существует intersубъективно-онтологически, если и только если она мыслится непротиворечиво в контексте интеллектуальной интуиции целостного осмысления мира. Этот критерий получает в докладе дополнительное разъяснение. В качестве конструктивного примера применения данного критерия в метафизическом анализе в сообщении на основе данного критерия обосновывается существование такой метафизической сущности, как государство и онтологическое несуществование метафизической сущности: государство, которое отрицает посредством укрепления.

Тем самым в докладе показывается, что кантовский критерий о невозможности метафизики в статусе науки из-за пустоты всех ее понятий в границах теоретического разума утрачивает силу.

В.А. Шапошников
(Москва)

АПОЛОГИЯ ЧУВСТВЕННОСТИ У КАНТА И ФЛОРЕНСКОГО

О предельно страстном, и в этой страстности несправедливом, отношении к Канту в русской философии замечательное слово сказал А.Ахутин (1). Однако в историко-философском плане далеко не все в этом вопросе может считаться проясненным. Это касается и одной из центральных фигур русской кантианы - Павла Флоренского. Интерес заявленной темы, по крайней мере, двоякий: во-первых, выяснение отношения Флоренского к Канту представляется наиболее коротким путем к адекватному пониманию теории познания Флоренского; во-вторых, сама пристрастность Флоренского позволяет взглянуть с неожиданной стороны на тексты самого Канта. Не претендую на полноценное рассмотрение особенностей усвоения Флоренским круга кантовских мыслей, ограничимся лишь анализом весьма показательного расхождения двух мыслителей по вопросу об апологии чувственности.

Как особо подчеркивал А.Гулыга, одним из наиболее интересных моментов кантовской «Антропологии» является подробное рассмотрение вопроса о значении чувственного познания (2, с.467). Однако «апология чувственности» для Канта состоит лишь в том, чтобы признать, что чувстви-

тельность в отношении процесса познания, конечно, *чернь*, но без этой черни не обойтись – хотя она и не мыслит, но дает *материал* для рассудка – господина и законодателя. Как говорит Кант, в отношении чувственности ему требуется не панегирист, а только адвокат, который отстаивает чувственность против ложных обвинений в обмане, в запутывании представлений, в стремлении господствовать над рассудком. Для Канта чувственность – это тот слуга, который не любит господину, но которого приходится терпеть, поскольку он честно справляет свою черную работу. Итак, чувственность – необходимое зло, а задача апологии вовсе не в том, чтобы показать, что она не есть зло, а лишь в том, чтобы подтвердить *необходимость* этого зла. Чувственность – это та плоть, которой обременено наше познание, и едва ли оно не тяготеет этим бременем (2, с.160-161).

По-другому чувствует ситуацию Флоренский. Он любовно вглядывается в плоть, в вещество, в материю и жаждет не отвержения ее, но просветления и оправдания. Эта особенность его мирочувствия находит отражение, с одной стороны, в особой привязанности к «веществу проработанному человеческим духом», убежденности в особой устойчивости его в потоке времени (если не бессмертия!), а с другой – в том, что сам он называл «плотскостью» собственной мысли. Эта *плотскость* мысли проявляет себя в существенном расширении понятия опыта, а следовательно, и сферы чувственности, в частности формы ее – пространства. Граница феноменального и ноуменального стирается. Ноумены, например, приобретают пространственные характеристики, область божественного может непосредственно открываться в опыте, или, во всяком случае, представляться наглядно. Антиномии более не свидетельствуют о выходе разума за пределы всякого возможного опыта, а становятся неотъемлемой чертой подлинного опыта. И т.д., и т.п.

При знакомстве с вариациями на кантовские темы в текстах Флоренского возникает ощущение, что автор их постоянно борется с очарованием кантовского стиля мышления и стремится освободиться от власти его над собою. И действительно, не требуется глубокого анализа, чтобы заметить, сколь многим обязан Флоренский Канту. Однако, не приемля Канта и гневно протестуя против его образа мыслей (Кант – «Столп Злобы Богопротивная»), Флоренский видит коренную ошибку немецкого мыслителя не в том, что тот пошел в *ложном* направлении, а в том, что он не пошел в избранном направлении *до конца*. Путь собственной мысли Флоренского ведет его не *мимо* Канта, но *через* него. Пафос Флоренского в том, что не нужно «застывать» на Канте, нужно «пойти дальше».

Кант является для Флоренского олицетворением «возрожденской» культуры, которой он противопоставляет культуру «средневековую», при-

чем важно заметить, что в этом фундаментальном для Флоренского противопоставлении речь идет не столько о двух принципиально разнородных культурах, сколько об одной полноценной культуре и ее вырождении. Специфичность возрожденской культуры не в том, что она утверждает, а в том, что она отрицает. «Поскреби» Канта и откроешь Платона, но суть возрожденства и состоит в том, чтобы оставаться на поверхности, воспрещая идти вглубь. Но, оставаясь на поверхности, мы не сможем постичь подлинный смысл чувственности и получить подлинного ее оправдания, на достаточной же глубине оно обязательно откроется (в этом Флоренский убежден!).

Намеченную специфику восприятия Канта Флоренским можно проиллюстрировать на примере учения о пространстве. Но прежде удобно будет дать общую характеристику развиваемой Флоренским теории познания. Позиция его в этом вопросе, как нетрудно догадаться, *реализм*. Акт познания трактуется им как реальное взаимопроникновение познающего и познаваемого. При этом сам разум понимается лишь как модус этой связи бытия. На языке Флоренского это можно выразить и по-другому, сказав, что процесс познания есть процесс символотворчества. Символ как подлинная связь бытия не является ни чисто субъективным (как в трактовке Канта (2, с.214-216)), ни чисто объективным, – природа символа двойственна. Пространство есть пример символа. Поэтому, с точки зрения Флоренского, Кант прав, когда утверждает, что пространство не имеет объективного характера, как прав он и когда полагает, что оно отражает устройство нашего мышления. Но, видя в пространстве *универсальную* форму чувственности, которая не зависит от вкладываемого в нее содержания, Кант ошибается. Здесь дает себя знать поверхностность возрожденской установки мышления. Представление пространства рождается в акте живой связи бытия, а такая живая связь не терпит никакой *предзаданной* универсальности. Поэтому сама попытка выделить универсальную форму в рамках чувственности порочна и обречена на провал. Действительно, как постулирование универсальной формы, так и попытка явного ее предъявления – наиболее слабые места трансцендентальной эстетики.

Стремясь, в указанном смысле, пойти дальше Канта, Флоренский надеется обрести подлинную апологию чувственности, которую не дает ему автор «Критики чистого разума» и «Антропологии».

1. Ахутин А.В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С.244-271.

2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т.7. С.137-376.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.М. Гаврилина. Два ракурса в антропологическом измерении культуры	3
И.Д. Копцев. Кант и проблемы философского дискурса	5
А.М. Сологузов. Моделирование аргументации в кантовском трактате «О поговорке...»	6
Г.В. Сорина, И.Н. Грифцова. Критическое мышление: логика и антропология	8
А.Н. Троепольский. Кант и проблемы существования метафизических сущностей	9
В.А. Шапошников. Апология чувственности у Канта и Флоренского	10

**КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАНТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ**

**STAATLICHE UNIVERSITAET KALININGRAD
KANT GESELLSCHAFT RUSSLANDS**

ТЕЗИСЫ
докладов международного семинара
«АНТРОПОЛОГИЯ С СОВРЕМЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»

17-20 ноября 1998 г.
г. Светлогорск Калининградской области

THESEN
des internationalen Seminars
«Antropologie in gegenwaertiger Hinsicht»

Swetlogorsk, November 17-20, 1998

Калининград/Kaliningrad
1998

Тезисы докладов международного семинара «Антропология с современной точки зрения» / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1998. - 14 с.

Международный семинар «Антропология с современной точки зрения» поддержан Институтом «Открытое общество» (Представительство в Российской Федерации) - грант № H2H832.

Das internationale Seminar "Anthropologie in gegenwaertiger Hinsicht" genießt Unterstützung des Instituts "Offene Gesellschaft" (vertreten in Russischer Foederation) - Grant N HAH832.

Отв. за выпуск проф. В.Н. Брюшинкин.

Л.М. Гаврилина
(Калининград)

ДВА РАКУРСА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Антропологический ракурс в гуманитарных и общественных науках XX века стал одним из основных. Формируются новые дисциплины: историческая, социальная, религиозная антропология; в западной философии, по мнению многих исследователей, произошел «антропологический переворот», в результате которого проблема человека вышла на первый план, оттеснив проблемы бытия и познания. Рождение культурологии, возникшей на стыке многих гуманитарных дисциплин, также свидетельствует об усилении антропологической парадигмы. Перемещение культуры в центр гуманитарных исследований в середине XX века вызвано прежде всего повышением внимания к сущности человека и стремлением понять ее, в том числе и сквозь призму «второй природы», созданной человеком.

Основой, главным постулатом культурологической методологии стала антропологическая проблематизация материала. Произошел перенос акцента с самих культурных текстов и памятников на их интерпретацию, позволяющую приблизиться к пониманию человека. Так, если для филолога, искусствоведа прежде всего важен сам художественный текст (особенности языка, стиля, средств художественной выразительности, манеры автора и т.д.), то при культурологическом анализе эти особенности уходят на второй план. Главным становится антропологический ракурс: каков человек, создавший этот текст, каковы его стремления, желания, что для него ценно, значимо, что он любит, а что ненавидит, чего боится и т.д. Из ответов на многочисленные вопросы складываются представления о картине мира, характерной для той или иной культуры.

В исследовании культуры необходимо присутствуют два ракурса антропологического анализа. *Первый* – поиск общих, универсальных оснований человеческой культуры. Эта традиция восходит к классическому противопоставлению культуры и природы и анализу того специфически человеческого, что лежит в основе этой второй или искусственной природы. Ключевой здесь является проблема природы или сущности человека, занимающая умы ученых не одно столетие. В культурной антропологии и психологии определяют природу человека как совокупность базовых потребностей (Б.Малиновский, Д.Мердок, К.Клакхон, К.Гирц, Э.Фромм, А.Маслоу и др.). Базовые потребности человека вызывают к жизни сходные механизмы их удовлетворения, которые К.Уисслер называет «универсаль-

Тезисы докладов международного семинара
«АНТРОПОЛОГИЯ С СОВРЕМЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»

Редактор Н.Н. Мартынюк.

Изд. лиц. №020345 от 14.01.1997г.

Подписано в печать 8.10.1998 г. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Бум. для множит. аппаратов. Ризограф.

Усл. печ. л. 0,9. Уч. изд. л. 1,0. Тираж 75 экз. Заказ 236.

Калининградский государственный университет
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14